

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. Л. Лифшиц ИЗ ЖИЗНИ КЛИРИКОВ

(две записи одного читателя древнерусской рукописи)

Среди памятников письменности Древней Руси записи, оставленные писцами в процессе работы над рукописью и читателями во время чтения книги, занимают особое место. Возможно, той же непосредственностью выражения чувств могут характеризоваться еще только граффити. Ни из какого другого источника мы не узнали бы о вздохах и муках человека, читающего или переписывающего книгу. Только из таких надписей и записей нам становится известно, что «мухи пакостят», что «голова болит не мочи псати», что писец мучается от «лихого попирия» и от «дремоты неприменной», и от того, что «свербит», и что «чрес тын пьют, а нас не зовут»¹. Эти «записи эмоционального содержания», как их характеризует авторитетное археографическое издание², рождались не из лени — это не пробы пера, а из того, что занимало и переполняло человека в тот самый момент, когда рука с пером от разлинованных столбцов убегала к широким полям рукописной книги.

Настоящая заметка посвящена публикации и интерпретации двух записей, хоть и не столь красочных, как приведенные выше, но, несомненно, заслуживающих внимания. Они находятся на двух недалеко отстоящих друг от друга листах рукописи Стихиряря минейного нотированного XII в., который был написан, как можно думать, в Новгороде и хранится в настоящее время в Типографском собрании РГАДА³. Обе записи состоят из трех недлинных строк, сделаны темными, почти черными чернилами и принадлежат руке одного человека, который не являлся писцом рукописи. По палеографическим особенностям почерк надписей может быть датирован XIII в.; более точная датировка представляется невозможной из-за малого объема текста.

Первая надпись помещается на нижнем поле л. 2 об. под текстом стихирьы на Крестовоздвижение (14 сентября). После реставрации 2000 г. текст записи стал виден существенно лучше, и буквенный состав надписи в настоящее время, за исключением одной буквы, устанавливается вполне надежно:

¹ Сравнительно недавно появилась работа, специально посвященная изучению подобных нетривиальных записей писцов; см.: Калугин В. В. Отношение к книге в Древней Руси (По материалам псковских записей XIV в.) // Записки Отдела рукописей РГБ. Вып. 50. М., 1995. С. 104—122.

² Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984.

³ РГАДА. Ф. 381. № 152. Описание рукописи см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. С. 133—134, № 104; и Каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в ЦГАДА СССР. М., 1988. Ч. 1. С. 75—77, № 22. Столярова Л. В. (Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков. М., 2000. С. 95, № 81) достаточно убедительно обосновывает новгородское происхождение другой рукописи того же собрания (Ф. 381. № 145), написанной одним из писцов рассматриваемого нами кодекса.

ѡлѣтѣтѡбѣпѣ

трѣѡжнѣвѣда

си:в:[-]одыгы

На месте нечитаемой буквы видны две линии, которые не образуют узнаваемого рисунка какой-либо из букв славянской азбуки. Теоретически это могла бы быть одна из следующих букв: А, Б, В, И, К, Л, П или Р. Но заметим, что буквы А, Б, П и Р, присутствующие в записи, имеют совсем иной рисунок.

Предпринимавшиеся до настоящего времени попытки прочтения этого текста являются неудовлетворительными⁴. Однако теперь, исключая начальные пять букв, проблем с делением записи на слова не возникает. Едва ли можно сомневаться, что буква В, стоящая в обрамлении двоеточий, — это цифра 2. Очевидно, что речь идет о том, что некий Петр должен отдать автору приписки какие-то предметы в количестве двух штук⁵.

Если не предполагать, что запись содержит опisku или испорчена иным образом⁶, то, быть может, начало записи содержит в себе междометие **оле**, хорошо известное по книжным текстам, где оно может употребляться с дательным падежом. Если наше предположение верно, то две следующие буквы могут представлять собой запись усилительной частицы **ти/ть** с графическим эффектом **Б>Е**⁷. Предметами же, которые Петр должен был вернуть, как представляется, являются **лодыгы**. По крайней мере, нам не удалось отыскать другого подходящего слова, которое могло бы так же безболезненно поместиться в строке. Таким образом, запись должна читаться следующим образом:

ѡлѣ тѣ тѡбѣ пѣ-

трѣ ѡжѣ нѣ вѣд-

си :в: <л>одыгы

По свидетельству словарей (исторических и толковых) русского языка, слово **лодыга** имеет значение 'бабка, альчик, козна, одна из костей коровьего скелета, говяжья надкопытная кость'⁸. Словарь русского языка XI—XVII вв. предлагает в качестве примера использования слова текст циркуляра царя Алексея Михайловича, который рассылался воеводам городов в конце 1648 — начале 1649 г., ср.: «...многие люди ... на кулашных боях меж собою драку делаютъ ... и зерню и карты шахматы и лодыгами играютъ ... и клички бесовския кличут: коледу и таусен...»⁹. Из этого послания становится очевидным, что **лодыга** — это название атрибута известной игры. Такое значение подтверждает и приводимое в этом же словаре ниже слово **лодыжникъ** — 'тот, кто играет в бабки, бездельник'. Значение 'игральная бабка' приводит и Словарь русских народных говоров¹⁰.

Заметим, что игра в бабки упоминается среди прочих неблагоприятных занятий не впервые. Красноречив пример из Поучения Новгородского архиепископа Ильи, жившего в XII в.: «А о тоу-

⁴ Так, «Сводный каталог...» предлагает следующее толкование: «запись о плохой погоде на Петров день(?)» (С. 133—134); «Каталог ...ЦГАДА» приводит запись в таком виде «ѡ лѣтѣ тѡбѣ Петрѣ ѡжѣ нѣ вѣдаси вѣ в(?)одыгы» (С. 76).

⁵ Заметим, что категория двойственного числа для языка записи уже не является актуальной, что косвенно подтверждает нашу датировку.

⁶ По крайней мере, другая рассматриваемая запись, вероятно, содержит ошибку.

⁷ Во всяком случае обе записи позволяют предположить наличие графического эффекта **ѣ > ѡ**, ср. в первой записи: **тѡбѣ** вм. ***тѡвѣѣ**.

⁸ Еще одно значение, которое с пометой «псковское» приводит В. И. Даль (Толковый словарь живаго великорусского языка. Т. II), — 'подоконник, нижний оконный косяк' — едва ли может быть признан актуальным для нашего случая.

⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 272; здесь цитируется с сокращениями и в упрощенной орфографии по грамоте, посланной в г. Дмитров (РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. № 96 л. 1—10).

¹⁰ Словарь русских народных говоров. Л., 1981. Вып. 17. С. 106. Здесь же указывается значение 'игра в бабки' для мн. *лодыги*.

рехъ и о лодыгахъ и о колядницехъ и про незаконныхъ бои ... вы, попове, оуимаите дѣтии свои»¹¹. Заметим, что в XVII предосудительными считаются те же развлечения, что и в XII веке. Но, как видим, в XIII в. даже для клириков¹² игра в бабки являлась достаточно обыденным развлечением и, по видимому, не воспринималась как что-то запретное.

Отметим также, что Поучение архиепископа Ильи сохранилось в списке XV в., а значит, запись в Стихираре — возможно, древнейший засвидетельствованный случай употребления этого слова в древнерусских памятниках письменности.

Итак, если наше прочтение верно, то запись должна быть переведена примерно так: 'Ох и [будет] тебе, Петр, если не отдашь две [игральные] бабки'.

Вторая из рассматриваемых записей помещается на верхнем поле л. 4. На этом листе заканчивается текст стихиры 6-го гласа мученику Никите (15 сентября), единственной на этот день. Последние три буквы верхней строки наполовину срезаны, но они однозначно восстанавливаются по сохранившейся части. Две последние буквы нижней строки до реставрации не были видны. В настоящее время их чтение может быть признано абсолютно надежным. Вся запись выглядит так:

анынеце

полежимъ

дровъсета

Но если чтение первых двух строк очевидно (**а нынеце полежимъ**), то последняя строка даже и с двумя вновь прочитанными буквами трудна для понимания. По месту расположения записи — посередине верхнего поля — очевидно, что запись сохранилась целиком и не предполагает продолжения. А значит, написание должно быть признано испорченным. Глагол **полежимъ** как будто требует обстоятельства места, но нельзя исключить, что за глаголом должно последовать указание на время пребывания в лежачем положении.

Произнесение написанного вслух¹³ навело нас на мысль, что в рассматриваемом контексте можно было бы ожидать что-нибудь вроде *до росвета¹⁴. Само слово **росвѣтъ** в привычном нам значении в древнерусских памятниках известно. «Словарь русского языка XI—XVII вв.», например, помещает экскерпт из статьи Ипатьевской летописи (XV в.), относящейся к событиям XII в.¹⁵, так что ничего неожиданного в появлении слова в тексте записи XIII в. быть, как кажется, не должно. Сложнее объяснить, при каких условиях предложно-падежное сочетание могло бы быть записано так. Имеем ли мы дело с метатезой? Простой ли опиской является пропуск гласного в предлоге? Или, может быть, последняя строка может быть прочитана иначе¹⁶? Мы не беремся однозначно ответить на эти вопросы.

Но в любом случае мы точно можем сказать, какой игре отдавали предпочтение новгородские клирики XIII в. и как нетерпеливо ждали краткого отдыха между вечерней и утренней службами.

¹¹ В словаре Срезневского (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1895. Стб. 41) в этом случае слово оставлено без перевода.

¹² Полагаем, что едва ли кто-нибудь, кроме певчих или иных клириков, мог бы оставить запись в нотированной, сугубо богослужебной рукописи.

¹³ Этот, разумеется, небезукоризненный, с научной точки зрения, эксперимент предлагался нескольким разным людям (и не только филологам). Все опрошенные предположили, что речь идет именно о рассвете.

¹⁴ Ср. также мену **ѣ > е** в предыдущей записи.

¹⁵ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1997. Вып. 22. С. 46; ср.: «И ѣхаша чересь ночь, и удариша на росвѣтъѣ на нихъ»

¹⁶ Заметим, что в обоих существующих каталожных описаниях (см. «Сводный каталог...» и «Каталог ... ЦГАДА») никаких попыток интерпретировать эту запись не делается.

